

АЛЕКСАНДРА КРЫЛЕНКОВА

В
В ПОИСКАХ

Й ПЯТЬ ЛЕТ В КРЫМУ
Н
Ы

Александра Крыленкова

**В поисках войны.
Пять лет в Крыму**

«Издательские решения»

Крыленкова А.

В поисках войны. Пять лет в Крыму / А. Крыленкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966039-8

Александра Крыленкова — правозащитница. В 2012 году стала со-основательницей «Наблюдателей Петербурга», благодаря которым на выборах президента 2012 года на избирательных участках работали 3000 независимых наблюдателей. В августе 2012 года основала «Открытое пространство» — общественный коворкинг для активистов. Занимается поддержкой гражданских инициатив. С 2014 года ездит в Крым документировать информацию о нарушениях прав человека, помогает родственникам политзаключенных. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966039-8

© Крыленкова А.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Моя война. Где она?	8
И где эта ваша война?	11
Здравствуйте, я из России	14
Ожидание войны	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В поисках войны Пять лет в Крыму

Александра Крыленкова

Редактор Тата Гутмахер

Корректор Галина Культиасова

Фотография на обложке Тарас Ибрагимов

Фотографии Вадим Лурье

© Александра Крыленкова, 2019

ISBN 978-5-4496-6039-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Я не хотела писать никакого введения. Введение похоже на медленный вход в ледяную воду: а стоит ли вообще писать, кому всё это надо, кто ты такая, чтобы рассуждать на эту тему, и тому подобные мурашки. Намного проще с разбегу и солдатиком. Но редактор строго сказала, что это необходимо. Ну, раз необходимо, пишу.

Меня зовут Саша Крыленкова. Я занимаюсь общественной деятельностью, обычно связанной с задержаниями людей на акциях, поддержкой политзаключенных, развитием групп солидарности. Вот уже скоро пять лет я среди прочего провожу много времени в Крыму. Стараюсь собирать там информацию о разных нарушениях прав человека, о жизни людей. Пытаюсь как-то помочь да и просто дружу с теми, кого преследуют, сажают, бьют и травят на полуострове. Все пять лет я записывала интервью с разными людьми, вела полевые дневники, разговаривала в машинах, автобусах, на рынках и в магазинах, и мне захотелось сделать что-то более живое, чем обзоры о нарушениях прав человека. Я хочу показать Крым после 2014 года таким, каким его вижу я: объемным, разнообразным, солидарным, не похожим на предмет, который делят политики. Это не символ, по которому определяют политическую принадлежность, он живой, действующий и полный самых разных людей с их собственными взглядами, надеждами и поступками. Я не пыталась провести социологическое исследование и написать научную работу на основе изучения общественного мнения. У меня для этого нет ни квалификации, ни выборки, ни возможностей для унификации. Я зову вас в путешествие по Крыму длиной в пять лет. Вместе со мной. Моими глазами и моими ушами. Конечно, у меня есть свои представления и свои убеждения. Но тем не менее я старалась говорить со всеми: и с теми, чьи взгляды на жизнь ближе к моим, и с теми, чьи немного отличаются, и с теми, чьи полностью противоположны. На протяжении пяти лет (и этой книги) моё отношение к происходящему меняется, дополняется и, надеюсь, добавит новых красок и в вашу картину жизни в Крыму. Часть тех людей, с которыми я разговаривала, позже были вынуждены уехать из Крыма, спасаясь от преследований, некоторые продолжают жить там. Кто-то более публичен, кто-то менее. Поэтому большая часть имен людей, с которыми я разговариваю, изменена по их просьбе и в целях их безопасности.

Я не могу опубликовать по самым разным причинам все интервью полностью. Поэтому цитаты по тексту – это лишь иллюстрации тех мнений с разных сторон, которые позволили мне построить мою картину Крыма. Я не претендую на полный охват. Моя задача – показать некоторые точки столкновения мнений, те, которые заметила я. И те, про которые я, как мне кажется, что-то поняла.

Крым сегодня – это такое место, представление о котором есть почти у каждого, а то, на что похожа персональная картинка Крыма, определяет политические взгляды, круг общения и отношение к миру. Ответ на вопрос «чей Крым?» – это своеобразный маркер принадлежности. И все слова, существующие в русском языке, которыми можно пользоваться для описания жизни в Крыму, особенно политической, по большей части уже используются для «определения позиции по Крыму». Я стараюсь писать максимально нейтрально, но это выходит не всегда. Иногда для простоты коммуникации приходится обобщать. Например, часто для характеристики людей, о которых идет речь, я оперирую словами «проукраинский», «пророссийский» или «с нейтральными взглядами». Чтобы понимать текст максимально близко к тому, что я хотела сказать, полезно помнить о том, что такие дефиниции 1) очень условны и 2) являются исключительно вопросом самоопределения. То есть я не делаю собственных выводов о степени активизма или его направленности. Если человек мне говорит: «Я украинский активист», я называю его украинским активистом. Если он или она говорит мне: «Я русский активист», я считаю его или её таковой. В части самоопределений – никакой отсебятины.

В отличие от всего остального. Я не пытаюсь играть в беспристрастного судью. И при всех моих стараниях «услышать всех» этот текст – это моё мнение, цитаты, отчасти вырванные из контекста, и я сознаю, что чужие слова я беру постольку, поскольку они подтверждают мои мысли и выводы из моих мыслей. Но так же, как мне было очень полезно видеть и слышать людей, у которых отличная от моей картина мира, возможно, и вам будет интересна и полезна моя.

Моя война. Где она?

Киев, март 2014 г.

В этой главе в попытках разобраться, что происходит в Крыму, я туда еду посмотреть на происходящее своими глазами и, совершенно не планируя того, становлюсь «российской правозащитницей в Крыму».

С тех пор как мне было семнадцать, я хотела работать на войне. На войне были все Настоящие Правозащитники. Этих людей я видела только в Москве в коридорах «Мемориала», как правило, уставших, невыспавшихся, с горящими глазами. Казалось, они заглянули в бездну. Я ничего не понимала из того, что они говорили. Тем более что говорили они на непонятном мне языке и полунамеками. И ненавидели вопрос: «Ну, как там в Чечне?» Но говорить больше не могли ни о чем. Одна фраза звучала как мантра: «Наша ответственность – наши военные. И нас волнует, что творят они».

Если мне хотелось поразить воображение молодых людей, я, загадочно улыбаясь, говорила, что работаю в правозащитной организации, позволяя им домысливать всё, что им хотелось и представлялось исходя из новостей о чеченских войнах.

Девушкой я была буйной, не очень управляемой и катастрофически полуголой. И меня в Чечню не брали. Справедливости ради, я, кажется, даже не просила, но без войны в общественном секторе найти себе места не смогла. Частная жизнь затянула: бизнес, семья, дети.

А в Петербурге с 2011 года неожиданно для себя я занялась общественной деятельностью. Меня захватил водоворот быстро меняющихся событий, огромное количество людей, готовых делать хоть что-то для изменения реальности вокруг себя: митинги, выборы, местная активность, помощь задержанным.

И тут – 2014 год.

Какие-то военные, какие-то захваты, какая-то война на носу. Помню, как ехала в Вологду читать лекцию по наблюдению на выборах. И в поезде (связь всё время терялась) пыталась ухватить хоть какие-то кусочки информации: кто, куда, какие военные, какая форма, какой захват территорий... Двадцать первый век. Международные договоры. Всё это никак не укладывалось в голову.

Споры в сообществе наблюдателей на выборах не умолкали уже неделю.

– Это исторический момент! Мы должны быть там! Это же РЕФЕРЕНДУМ. Мы никогда не видели живого референдума.

– Электоральные мероприятия – это процедура! Все начинается с закона! Мы являемся частью международной правовой системы!

Это мероприятие электорального типа не имеет ничего общего с РЕФЕРЕНДУМОМ!

– Но как интересно!

– Ни за что! С нами никто из приличных людей не будет разговаривать.

Нам руки не подадут.

– Мы всем расскажем, как есть. Ведь для этого мы и существуем.

Но вот всё случилось.

Это случившееся в голову не помещалось. Казалось, что все врут, что крымчане совсем не «стремились в Россию в едином порыве», что их заставили силой. Желание поехать и во всём разобраться становилось всё сильнее. Хотелось найти тех, кто был в Самообороне, тех, кто «боролся за Русский мир», хотелось потрясти их за плечи и спросить: «Эй! За что вы боролесь? О чем мечтали? Зачем?»

Голова шла кругом.

Я написала ВКонтакте:

«Друзья, в ночь с воскресенья на понедельник я еду в Крым. В условиях информационного хаоса и тотальной пропаганды мне кажется очень важным увидеть своими глазами, что сейчас происходит в Крыму. А получить достоверную информацию можно только у очевидцев, у тех, кого по-настоящему затронули происходящие события. <...> Задавайте, пожалуйста, вопросы под постом. Какие проблемы вас интересуют, какие факты вы хотели бы проверить, с кем мне стоит поговорить».

Нажала на кнопку «Отправить» и купила билет.

Интересно, что полученные мной «наказы» от питерских активистов были очень взвешенны и соответствовали реальности. Казалось, что издалека можно спокойно проанализировать и поставить интересующие по-настоящему вопросы. Ровно те, которых так не хватало крымчанам для принятия ответственного решения на «референдуме». В Питере – несмотря на острые дискуссии и битье морд на тему, «чей Крым», – не было того ажиотажа и того невроза, от которого лихорадило Крым с конца февраля до середины марта:

– Как люди сейчас взаимодействуют с органами власти?

– Что думают те люди, которые жили без прописки в Крыму и им не получить украинское гражданство?

– Что будет с археологическим наследием? Какие возникают проблемы и как они решаются?

– Как в этих условиях живут больницы? Кто поставляет лекарства?

– Делают ли пометки на границе с Крымом, не будет ли проблем у тех граждан России, кто поедет сейчас в Крым отдохнуть?

Конечно, и интересующихся наболевшим вопросом, «чей Крым?», было предостаточно. Так же, как и желающих объяснить, что трудно придумать более идиотскую идею. Но именно этот перечень вопросов (хоть я и забыла о нем, если честно, начисто) оказался списком проблем, с которыми пришлось столкнуться крымчанам по крайней мере в первый год. На многие вопросы удалось ответить только через несколько лет. А некоторые и сформулировать получилось только значительно позже, чем они были заданы.

Это был конец марта 2014 года. Я приехала в Крым в первый раз. Так уж сложилась моя жизнь: ни детского отдыха на море, ни подростковых лагерей в «Артеке», ни юношеских раскопок в Херсонесе. Моими местами была Карелия, известняки, реки с порогами и огромные сосны. А всякие курортные юга казались редкостной попсой. Но посмотреть своими глазами на то, как рушится хрупкий порядок мировых договоренностей, понять, где границы мифов

и реальностей, и попробовать об этом рассказать, казалось важнее не только устоявшихся пред-
рассудков, но и возможных рисков.

Поездку я никак не готовила. Слово «поле» знала только из книжек и рассказов кол-
лег, а слово «планирование» и вовсе в мой лексикон не входило. Я спустилась с трапа само-
лёта в дорожной шляпе, привезенной свекром с мыса Доброй Надежды, с большим красным
туристическим рюкзаком, по которому потом долго меня узнавали в Крыму. Тут же села
в машину к первому попавшемуся таксисту в аэропорту: «Девушка, куда вас отвезти?» В тео-
рии я, конечно, знала, что это курорт и так делать не надо, но возбуждение от собственной
авантюры закинуло это полезное знание куда-то далеко. Понимание стоило мне 2000 руб-
лей от аэропорта до центра Симферополя.

Куда ехать в незнакомом городе, как искать тех, кто расскажет что-то интересное. На обед
меня занесло в какой-то очень странный ресторан с кожаными диванами, розетками, живым
шансоном, возможностью курить прямо в зале и полным впечатлением, что тут бухают попе-
ременно бандиты с политиками. Впрочем, в обед в ресторане не было никого. Беглый поиск
по социальным сетям и новостям нашел Сашу Дворецкую, с которой у нас оказалось очень
много общих коллег и знакомых, которые могли меня порекомендовать. Саша – правозащит-
ница из Крыма. Девятого марта она вынуждена была выехать из Крыма, незадолго до этого
социальные сети облетела листовка, которая висела на её доме (на двери, в подъезде, на доске
объявлений):

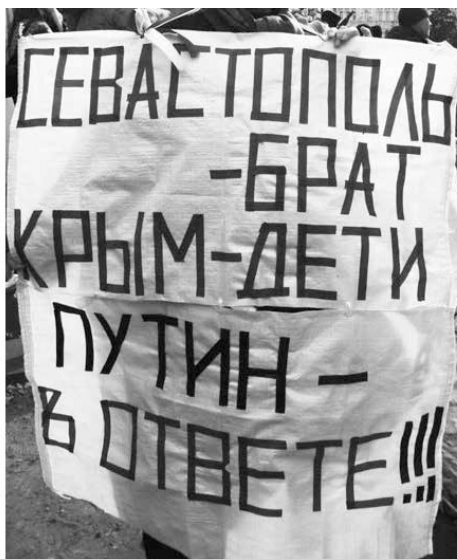
*Ваша соседка Александра Дворецкая – предательница Крыма,
поддерживает преступный Майдан. На её совести кровь и жизни убитых
людей. Получает деньги в общественной организации, финансируемой
американскими спецслужбами. Прошла обучение экстремизму в США.*

Подобные листовки тогда появились и в домах других активистов. Но Саша была «своя»,
она уже выехала и была в безопасности в Киеве. И я позвонила ей. Я до сих пор не очень твердо
знаю, как это работает. Но работает всегда. К вечеру я знала уже очень многих: здесь были
активисты организации «Крым.SOS», которые собирали информацию об украинских активи-
стах и украинских военных, здесь были независимые правозащитные наблюдатели. В том числе
из России. Студенты, которые в ужасе от происходящего не понимали, куда бежать, предстали
самых разных общественных организаций, у которых на глазах не только рушилась нала-
женная жизнь, но и сама реальность.

До первой поездки в Крым я гордилась отсутствием самоидентификации. Мне нрави-
лось, что нет ни одной организации, которая могла бы назвать меня своей. Я не историк,
не юрист, не наблюдатель. Я – Саша Крыленкова. И этого мне было более чем достаточно.
Но в Крыму, стоя на проспекте Кирова с красным рюкзаком и стаканчиком кофе, мне надо
было срочно отвечать на вопрос: кто ты и зачем сюда приехала? И отвечать так, чтобы было
понятно. Чтобы хотелось со мной после этого разговаривать, а не размышлять о смыслах
и брать время на погуглить. Причем ответ должен был быть только правдой.

Так я стала «русской правозащитницей в Крыму». И родилась формула про «ответ-
ственность за преступления российской власти, где бы они ни совершались». Времени
на рефлексию не было. И, кажется, я даже не осознавала, насколько эта формула была близка
объяснениям Настоящих Правозащитников моей юности.

И где эта ваша война?

Киев, март 2014 г.

В этой главе, приехав в Крым, вместо ответов на вопросы я нахожу только путаницу и кашу в головах и вдруг понимаю, что в этих условиях неопределенности и отсутствия опор для многих единственной понятной реальностью (пусть и ненадолго) становится Закон.

Самое частое слово, которое встречается в моих полевых заметках из первой поездки, – это «каша». У всех в головах именно она: манная, геркулесовая, если очень повезет – гречневая. Вылеты из Шереметьево пока через международный терминал, пограничники бегают с криками: «Чей Крым?!», не понимая, что штамповать, куда и зачем.

В симферопольском аэропорту таможенницы с нашивками украинской погранслужбы пропускают всех из России без штампа. Самолеты летают только в Москву. Большой международный аэропорт, а на табло вылета только один город: Москва – Москва – Москва...

В это время в Крыму было такое ощущение, что всем в головы встроили калькуляторы. С кем ни заговоришь, все разговоры о цифрах: сколько процентов хотели присоединения, сколько что стоит, какие будут пенсии и зарплаты, что можно будет на это купить или сделать. Все цены – двойные. Платить можно в любой валюте. Пересчитывают на текущий курс. Вот только в рублях сдачи всё ещё нет – мелочь не завезли.

Захожу в магазин, покупаю колбаску там, немного сыра. Продавец суммирует покупку. Считают всегда в гривнах. Спрашиваю: «Можно заплатить рублями?» – «Да, конечно», – отвечает девушка и достает шпаргалку. Там две формулы: как пересчитывать гривны на рубли и как пересчитывать рубли на гривны. Естественно, с первого раза барышня перепутала. И эта ошибка уменьшила стоимость покупки в 8 раз. Надо было, конечно, уйти, но совесть и любопытство меня остановили. Подказала ошибку. Девушка пересчитала. Тут уже ей стало страшно: такие огромные цифры (коэффициент – около четырех). Она собиралась бежать за старшей, но я ее успокоила, сказав, что так примерно и должно быть. Дальше началась эпопея со сдачей. Рублей на сдачу нет. Девушка опять растерялась. Предложила пересчитать сдачу на гривны. Еще минут пять – и мы с ней вместе с этой задачей справились. Разошлись довольные друг другом! Мы молодцы!

Через полтора года, в 2016 году, мне об этом времени и впечатлениях расскажет молодой преподаватель одного из крымских университетов:

Обещали, что будет гривна ходить до 1 января 2016 года. Сейчас рубль и гривна поднимаются синхронно. На одну гривню можно купить столько же, сколько в рублях по курсу. Но тогда случилось неожиданное: покупательская способность гривны была выше. Соответственно, когда люди стали получать зарплату в рублях, они переводили ее в гривну по курсу 3,8, потому что на гривны тогда можно было купить больше, и сумма в гривне получалась больше, чем ты получил в рублях. Курс играл свою роль, и, соответственно, люди стали менять рубли на гривны.

Татьяна, преподаватель техникума, в 2017 году вспоминает этот период намного более эмоционально:

Все думали, что гривна будет ходить долго, а то, что ее взяли – и херакс с первого июня [сообщили], что она не ходит... Когда со ста рублями садиться в маршрутку и тебе не могут дать сдачи. И все заходят такие же. Надо было как-то прикидывать. Были крупные магазины (типа Ашана) – у них, по-моему, была мелочь. Я не умела считать в рублях. Сейчас я не мыслю в гривнах, а тогда я мыслила в гривнах. Это полная жесть.

Первый год, казалось, все пытались что-нибудь продавать и покупать. Покупать в Херсоне, продавать в Крыму, просто продавать ненужное или покупать то, что может потом продаться. Кажется, у всех жителей было два предмета при себе: калькулятор и книжки с российскими законами. Интерпретация и округления, конечно, соответствуют политическим взглядам. Никаких других взглядов, кроме «ты чьих будешь?», не наблюдалось. Мне казалось очень ценным зафиксировать этот момент. Он крайне мимолетный. Сегодня ты ещё находишься в состоянии неуверенности, невесомости, непоняток, а завтра – уже другая реальность, и всё забылось. Зимой 2015—2016 я разговаривала с одной парой средних лет:

Допустим, человек хорошо живет, позволяет себе ездить туда [в Херсонскую область]. Просто выезжали отсюда на своей машине. Было время, когда ходили и гривны, и рубли одновременно. Вот они, допустим, поедут и гривны с собой брали или, там допустим, дома один раз поменяют. Вот заходили в тот же самый «Фуриет». Покупали там прямо тележкой все, что нужно было, в багажник, в машину и приезжали сюда. Та же самая водка стоила – здесь она стоила примерно в 5 раз дороже, чем там.

Интересно, что, когда я ездила в Крым в первые пару раз, то, конечно, считала, сколько мне надо было денег на транспорт, чтобы добраться, сколько на гостиницу, сколько на транспорт по самому Крыму. Но вообще не брала в расчёт затраты на еду. Это было крайне дешево. Настолько, что для жительницы Питера совершенно незаметно. Сейчас еда и продукты – самая большая статья расходов. Самый бурный рост цен был тогда же. И произвело это на крымчан неизгладимое впечатление. Особенно на фоне смены валют, когда толком разобраться, что сколько стоит, очень трудно. Рассказывает двадцатипятилетний учитель истории:

Сначала в 2014 году, когда были ценники и в гривнах, и в рублях, можно было выбирать, в какой валюте ты хочешь платить. Там цены менялись каждые два дня, день. Приходишь, там сникерс стоит 7 гривен, через день приходишь – уже 12 гривен. Интересно. То есть было такое. И когда весной (летом) отменили хождение гривны в Крыму, стало тяжело как-то. Привык уже, что она 12 гривен, а тут стала 30. Сначала подумаешь, 30 гривен – это дорого. Потом понимаешь, что это рубли.

Деньги, конечно, всеобщий эквивалент, но каша в головах касалась далеко не только денег. Как вызвать скорую? Что такое ОМС? Как переоформить документы на собственность? Можно ли ездить с украинскими правами? Легко было российской Думе внести в свой конституционный закон строку о том, что все жители Крыма автоматически становятся гражданами России. Но, оказывается, жизнь намного разнообразнее строчек в законе, который принимается за три дня. Люди, жившие без регистрации, семь, годами живущие вместе, ведущие хозяйство, растящие детей, но так и не дошедшие до загса, огромное количество людей с видом на жительство, которое продлялось автоматически, вдруг оказались в ситуации, когда необходимо доказывать, что они тут жили и имеют право жить и дальше вместе на том же месте. Большинство людей в мире, родившись с родным языком и культурой впитывают правила игры. Большинство никогда в жизни ни одного закона не читали и не испытывали в этом потребности. Об ограничении времени продажи алкоголя или увеличении пенсионного возраста мы узнаем, не изучая законопроекты или уже принятые законы, а из объявления на занавеске в магазине, закрывающей вожделенные полки, или ленты в Фейсбуке.

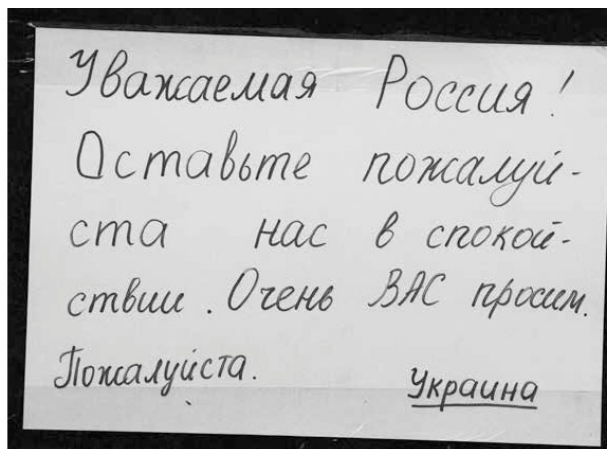
Например, вот такая проблема встала у одной крымскотатарской предпринимательницы:

Я арендовала помещение, и надо было знать, что меня ждет. А вдруг меня завтра придут и выгонят? А какая организация должна заключить договор аренды? Как я должна отсюда, по какому правовому полю должна существовать?»

Как за несколько месяцев изучить новую реальность? Никого же не спросишь. Соседи, родные и близкие – в той же ситуации. Друзья из России, во-первых, живут все-таки в другом контексте, а во-вторых, непонятно, от какой печки начинать рассказывать. Вот так и читали два миллиона человек законы.

В обычной жизни нам не надо читать сборники законов, мы и так примерно понимаем, как устроена наша жизнь. В этом первый открывшийся мне парадокс Крыма: нарушив все принципы международного права и поставив под удар само существование и хрупкое равновесие международных правовых систем, российское государство за несколько месяцев добилось того, за что бьются самые прогрессивные просветители Европы, – резкого роста правосознания. Попав в совершенно другую реальность за несколько дней, люди вынуждены были срочно изучать эту реальность, пытаясь в ней разобраться. Добиться исполнения буквы закона в первый год российского бытования Крыма было сравнительно (с Россией) легко. Надо было найти закон и ткнуть в него пальчиком. Оказалось, времени на то, чтобы придумать обхождение закона, нужно намного больше, чем на то, чтобы выучить закон.

Здравствуйте, я из России

Киев, март 2014 г.

В этой главе я продолжаю встречаться с людьми, разговаривать и разбираться. Но чем больше говорю, тем меньше понимаю. Упираюсь в то, что опыт «выживания» внутри страны-агрессора для выживания на аннексированной территории нельзя применить.

Среди первых реакций на мою идею ездить в Крым были не только вопросы, но и оценки идеи как таковой. Формулировка «мы несем ответственность за преступления нашей власти» ещё только оттачивалась, поэтому вопросы типа «что ты там, девочка, забыла?» читались мною внимательно и рефлексировались не менее тщательно. Не будешь же каждому объяснять, что у меня по расписанию подвиг в этот четверг в 15.00, а в наше время всех драконов расхватили и своего ещё поискать надо. В какой-то из итераций я впервые сформулировала для читателей социальных сетей цели поездки: поехала я потому, что «предполагаю, что в сложившихся условиях в Крыму могут наблюдаться нарушения прав человека» (ну, раз уж пришлось называть себя правозащитницей, то и слова про нарушения этих прав использовать не больно). Ожидаемо последовал вопрос о том, есть ли у меня инструменты защиты этих самых нарушаемых прав. И хотя задающий вопрос, скорее всего, имел в виду что-то вроде «дура ты и ничего не можешь», уровень глубины этого вопроса переоценить невозможно. Сама концепция прав человека предполагает взаимодействие человека и государства. И в условиях непризнанных территорий ставит больше вопросов, чем дает ответов. Какое государство несет ответственность за соблюдение прав человека на этой территории? Признавая ответственность России за соблюдение или нарушение прав человека, мы признаем эту территорию российской? А если мы возлагаем ответственность на какое-то государство, то должны ли мы признавать механизмы, которыми государство их обеспечивает? Суды, например, или силовые органы? Но все эти вопросы неизбежно появились существенно позже. В тот момент, когда ты выбираешь язык, на котором разговариваешь, ты выбираешь дорогу и путь осмысления происходящего. Так сложилось (почти случайно), что я выбрала язык правозащиты. И именно он стал и опорой, и рамками, и точкой отсчета.

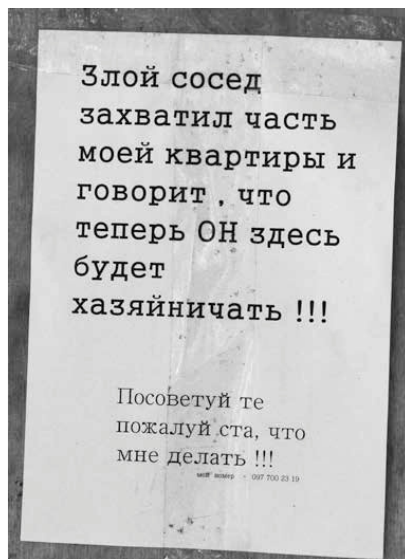
Но тогда, в 2014 году, в поиске языка, в определении, что же, черт подери, я могу сделать полезного для крымчан, первое, что пришло в голову, – это рассказать, куда же они попали. Что такое современная Россия, как тут живут и выживают люди, как работают принципы самоорганизации и каковы «правила игры». Уровень самонадеянности меня не смущал. Так же, как и «простая» мысль, что в разных странах разные люди живут совершенно по-разному. По-раз-

ному выстраивают отношения с властью, имеют различные традиции и различный опыт. Вдохновленная идеей поделиться сокровенным знанием, «как выжить при российской власти в XXI веке», и вооружившись контактами, которыми меня щедро снабдила Саша Дворецкая, я вышла с рынков и пошла разговаривать с активистами и ребятами из НКО. Не то чтобы я хорошо запомнила все те встречи – это был калейдоскоп новых лиц и новых людей. Но многих мы помним благодаря последующим событиям, которые не дают их забыть. Таковой была встреча с Олегом Сенцовым. Мы договорились увидеться в небольшом кафе в подвальчике. Кажется, на улице Достоевского. Хоть убейте, сейчас не вспомню, что это было за место. Мы разговаривали по телефону, пытаясь найти на улице, и вдруг Олег сказал: «Я вас вижу». На тротуаре рядом со мной было много разных людей. Некоторые разговаривали по телефону. Поэтому меня живо заинтересовало, как Олег меня вычислил. «Сразу же видно, что вы – не местная». Кажется, тогда я обиделась. Разговор не клеился. Моё желание поделиться опытом не находило поддержки, а успехи гражданского общества в РФ вызывали вполне понятную, но обидную иронию.

Тем не менее с разными людьми, имеющими отношение к общественным движениям, мы всё-таки встретились. В России тогда бушевали страсти по поводу только что введенных «иностранных агентов» и дискуссии – пора ли уходить в подполье или всё ещё можно попробовать побарахтаться. Все эти дискуссии я с радостью пересказывала людям, которые в то время только-только начали осознавать, что «переход Крыма де-факто под контроль Российской Федерации» (хотя и эта формулировка появится существенно позже) – это не только ответ на любимый вопрос современности «чей Крым?», но и полная смена реальности, разрыв всех наработанных механизмов и связей.

Надо сказать, что именно в этот момент впервые пошатнулось моё представление о прекрасных российских правозащитниках и оппозиционерах, которые всё правильно понимают в проблеме российской агрессии, являются безусловными союзниками Украины и украинского гражданского общества. Оказалось, что осознать в себе имперские повадки и хотя бы начать их в себе вытравливать – намного сложнее, чем привычным образом сообщить нашей власти о её преступности.

Ожидание войны

Киев, март 2014 г.

В этой главе я пытаюсь реконструировать по более поздним разговорам ощущения накануне и, главное, в процессе появления в Крыму «зеленых человечков».

Меня не было в Крыму в конце февраля, когда пророссийская часть крымчан с ужасом ждала крымскотатарских погромов, проукраинская – войны, а официальная российская пропаганда в это же время готовила зрителя к появлению бойцов «Правого сектора». Судя по воспоминаниям об этом периоде, которые я собирала в последующие несколько лет, это было время затишья перед боем. Такое ожидание войны, когда у тебя не остается возможности быть «где-то между», нужно выбирать сторону. А выбрав – определиться с действиями.

Меня не было в этот момент в Крыму. Я появилась позже. Всё, что я знаю об этом времени, – я знаю только из разговоров с людьми. Больше четырех лет постоянных разговоров. Поэтому тут хочется дать слово самим этим людям.

Через два года после аннексии мы обсуждали эти ощущения с Мариной, активисткой Украинского культурного центра:

Обострения не было. Понимаешь, не было обострения. А происходящее [на Майдане] придавало ускорения моей личной реакции. И потом, когда поднимается общественное возмущение такого уровня, невозможно продолжать оставаться на берегу и никак не реагировать. Одно дело – мы в болоте, другое дело, мы уже на берегу штурмующего моря, извините за пошлость сравнения.

...Сходила к нам (в Симферополе) на Майдан... ни черта понять не могу: чужие лица, никого знакомых.... «Слава Украине!» кричат. Для меня это дико тогда было. Не могу врубиться, что делать. Они вообще одно и то же говорят друг другу... Встретила там одну знакомую. Говорю: «А что будет, что делать?» Она: «Стоять». Для меня странно: что стоять? Кому стоять? Там 20 человек стоят. Кому стоять? Ради друг друга стоять? И для меня это непонятно было. Я не могла поверить, что вот это «стояние» может к чему-то привести... И когда произошел перелом в Майдане – для меня было

такое удивление... Думаю: неужели правда вот этим стоянием они совершили такое чудо?

...23 февраля было очень тревожно. Мы как будто на другом конце мира. Я собиралась на митинг. Там наши журналисты были. Я должна была пойти их защищать. Но сначала пошла в церковь. Там разрыдалась... У меня такая истерика была... Я стояла перед иконой из-за того, что расстреляли этих... ребят... на Майдане...

...Бежать некуда. В моем кругу все пророссийские. Куда ни пойдешь... Я помню, мы были в центре, идем... Мы все время бродили. Ходили-бродили. То я одна бродила, то с мужем... Утюжили... смотрели, что происходит. Что лично я могу сделать? Просто стоять? Страшно ж. По рожке как-то давно не били, опыта нет, не натёрто... Это всё было тяжеловато, знаешь, осознать. Сейчас, конечно, вспоминаю: такая школа психического закалывания. Серьёзная».

Как мало мы представляем в обычной жизни, что происходит с человеком в рушащейся реальности. Очень многое зависит, конечно, от того, насколько человек один перед лицом этого страха. При этом надо понимать, что все интервью, которые я привожу, взяты в 2015—2018 годах. То есть в момент, когда восприятие и понимание отрефлексированы, отполированы, но ещё не отболело. Другая активистка Украинского культурного центра, Вера, так описывала впечатления от 2014 года:

Папа с утра говорит: «Не езди в центр города, там захватили дома». Мы приезжаем на работу, приходят студенты, и им кто-то звонит, что где-то мимо села едут БТРы. Очень странное ощущение – предчувствие войны какой-то. Непонятно, что происходит.

Это чувство неопределенности и того, что ты можешь завтра прийти на работу, а ее, например, не будет. Это было как-то... странно. Это было очень страшно. Это было очень неприятно. Так у всех тогда было, кто бы за какой лагерь потом бы ни встал. Чистая пеленищина.

Ощущение того, что что-то будет, прямо витало в воздухе. Очень неприятное чувство. Человек и так не любит неопределенность, а тут она прям явно стояла перед тобой. И все об этом говорили.

Если за Майданом крымскотатарские активисты следили примерно с теми же чувствами сопереживания, надежд и сочувствия, как и будущие проукраинские активисты, то предчувствие войны вошло в их дома немного по-разному. Так вспоминает Сovie, крымскотатарская предпринимательница:

Во время Майдана мы смотрели трансляции, каждый день смотрели, пересматривали. Созванивались... Очень переживали, ночами не спали, обсуждали. Это был Прорыв. Мне было очень стыдно за то, что Крым спит. Никто туда не ехал. Потом крымскотатарские ребята поехали, оттуда приходили новости, происходили события... а Крым весь спал. У нас была надежда на то, что отношение к крымским татарам изменится.

«Зелёных человечков» я увидела. Практически первая. В наш дворик пришли сначала казаки. Человечков еще не было, были казаки сначала. Наверное, они патронами пришли закупаться. У нас там охотничий магазин. Испугались все. Во-первых, испугались родители, которые привели детей к нам. И какое-то время мы даже – вот я даже говорила: «Не приводите детей». И родители говорили: «Давай завтра детей не приведем». Потом у меня училась девочка, у которой папа работал в СБУ, потом перешел в ФСБ

работать. Он даже говорил: «Завтра, пожалуйста, не выходите на улицу. Я завтра своего ребенка не приведу, а вы закройте, пожалуйста». То есть какие-то мероприятия планировались.

На площади сидели тетечки из Горисполкома за столиками, составляли списочки и записывали в народное ополчение. В Самооборону.

Это было на волне страха перед татарами, хотя татары ни во что не образовывались и не записывались, а вот страх был.

В какой-то из очередных дней, когда по проспекту Победы стояли женщины татарские с детьми в совершенно искреннем порыве: «Мы не хотим войны!», а мимо них с Керчи, с Тамани двигались танки. И ночью эти танки двигались потом по Севастопольской туда, в Севастополь, в Бахчисарай. Грохот стоял! И вот тогда, в ту же, в одну из тех ночей всю ночь гудело небо! Просто гудело. Это, я так думаю, что мы тогда уже поняли, мы испугались, что будет война».

Если для всех жителей полуострова военная техника, «зеленые человечки», туманное будущее были страшны сами по себе, то для крымских татар был ещё глубинный страх повторения национальной трагедии. Ещё живо достаточно много людей, которых в 1944-м грузили в вагоны под прицелами автоматов. Поэтому новое появление на мирных улицах своих поселков людей с автоматами не могло вызвать каких-то других ассоциаций. Крымскотатарская активистка Дамира рассказывает:

У меня первое время, когда все это началось, была постоянно мысль: а вдруг депортируют опять? Ну а чего им стоит? Никто же сюда войска не введет. Это бред собачий... А что им стоит посадить нас на какие-то там товарняки те же? Или еще что-то?»

Особенно страшно было недели две спустя после 26 февраля, когда все больше и больше техники стало появляться... они курсировали по всему Крыму, ездили беспрестанно там-тут.... Мы еще сидели в рациях. И со всех регионов сообщают каждые полчаса о том, что там поехало около 30 машин, туда поехала такая-то колонна с КАМАЗами, с людьми, и ты понимаешь, что хрень творится. Вот тогда было реально страшно.

В тот период у нас не было свадеб. А как вы думали? Приходили дети из школы, говорили, что у них написано на партах «Депортация 44-го года», «Татары – вон». У нас большие бабушки, знаете, сколько смертей? Какие свадьбы? У меня настроения никакого не было, у меня депрессия была, я была больной человек. Я с дивана не поднималась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.